

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга появилась благодаря любви, помощи и поддержке Мелиссы Панио-Пэтерсэн, Робина Рини Хилла, Джой Кребель-Садовски, Анджелы Бонни Шокли, Сары Торпи, Хиларии Элигзэндэр, К. Лэрсэн, Эммы Адамс, Ноэми Элуан, Билла Хэирстона, Кристофера Стюарта, Кэтлин Рипли и Джениффер Бэллоу, а также всех без исключения участников объединения «Соратники Эммы». Вы никогда не перестаете меня удивлять! Вы оказываете мне такую невероятную, беспрестанную, теплую и вдохновенную поддержку, что меня переполняет благодарность.

Блогеры и читатели... Где бы я была без вас? Каждый раз, когда выходит моя новая книга, я снова и снова наблюдаю щедрость блогерского сообщества: армия волонтеров читает мой роман, пишет обзоры и рекламирует его исклю-

чительно из любви к литературе. Я так благодарна вам всем за то, что вы делаете для меня и для каждого писателя, который хочет, чтобы его голос был услышан.

Мелисса Панио-Пэтерсэн, ты — гораздо больше, чем моя правая рука. Ты — потрясающая художница, графический дизайнер и одна из самых заботливых и добрых женщин, (и с прекраснейшим чувством юмора в придачу) которых я только знаю. Я хочу стать тобой, когда вырасту. По-сылаю тебе свои благодарность и любовь.

Сюзанна Лакер... Это уже четвертая моя книга, которой коснулся твой редакторский талант, и на протяжении всех четырех я обещала, что буду сдавать рукописи вовремя и что тебя не ждет никаких безумных дедлайнов. В каждом из четырех случаев все было ровно наоборот, но ты неизменно относилась к ситуации с юмором и любовью и никогда не жалела для меня сальных шуточек. Пусть всегда будем мы.

ПЛЕЙ-ЛИСТ

21 Pilots - "Heathens"

Journey - "Don't Stop Believing"

Frank Sinatra - "My Way"

Prince - "Purple Rain"

Blondie - "One Way or Another"

Chicago - "You're the Inspiration"

Frank Sinatra - "I'll Be Home for Christmas"

Wonderwall - "Oasis"

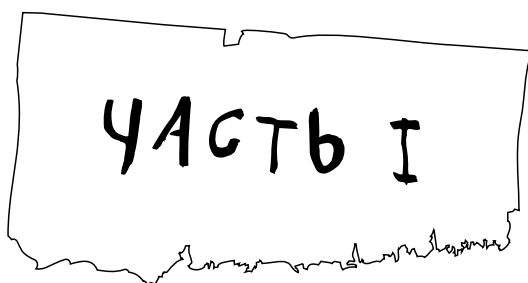
Fitz and The Tantrums - "HandClap"

Rag'n'Bone Man - "Human"

The Cinematic Orchestra - "Man To Build a Home"

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Посвящается Робину, который для меня
словно луч прожектора среди тумана.
Пусть время от времени я сходила со
своего пути и бессмысленно бродила
в пустоте, но благодаря тебе я никогда
по-настоящему не терялась.*

«В мести моей таится вина».

Овидий «Метаморфозы»

ПРОСИ.

**МАМА,
МОЖНО...?**

*Авторы:
Зельда
Росси*

ЩЕК-

МАМА...
М-МОЖНО...
ТЫ ОСТАВИШЬ
МЕНЯ В ЖИВЫХ?

НЕТ.

**БАХ!
БАХ!**

Зельда

29 ноября

— Нет души, — прошептала я в воротник пальто.

Порыв ледяного ветра пронесся по людной нью-йоркской улице, растрепав мои длинные черные волосы и сорвав слова с моих губ. В глазах щипало, но только из-за ветра. Я никогда не плакала. Никогда. Даже после того, как мою работу отвергли три крупнейших издательства графических романов в Манхэттене. Мои глаза слезились из-за ветра.

Три отказа за два дня. Главные редакторы каждого из издательств слились в моей памяти в единый образ напыщенного гада, который безразлично приподнимал брови, разглядывая мою

работу. Он был слегка впечатлен, но этого оказалось недостаточно.

— Интересная идея и отличная рисовка. Но... мы не возьмем.

Тем не менее в третьем отказе теплился крохотный лучик надежды. Редактор моим предложением не заинтересовался, но, когда встреча подошла к концу, меня отвела в сторону его ассистентка. Темноволосая Айрис Ганновер казалась немногим старше моих двадцати четырех лет. Ее губы были накрашены красной помадой, а глаза жестко смотрели на меня сквозь стекла стильных очков. Жестко, но не злобно. Как будто она меня оценивала.

— Еще даже не декабрь, а у всех уже праздники на уме, — сказала Айрис. — Если вы сможете внести исправления и принести мне раскадровку в течение пары недель, я прослежу, чтобы редактор взглянул на нее еще раз.

— Какие исправления? — уточнила я.

— У вас есть потенциал. — Айрис постучала по моему портфолио. — Рисовка прекрасная, но в самой истории не хватает накала. Экспозиция хороша, но в ней не бьется пульс. В ней нет души. Найдите душу.

— Нет души, — прошептала я еще раз.

Яростно заморгав, я перевела взгляд на поток машин, который двигался на север по Шестой авеню. Все вокруг было серым. Небо, тротуар, здания. Монотонный городской пейзаж, набро-

санный углем и черными чернилами, с желтыми пятнами такси — единственной деталью, о которой вспомнил колорист. Прохожие, натянувшие на уши шапки и закутанные в шарфы, толкали меня локтями. Они шли мимо быстрой, уверенной походкой. В отличие от меня они знали, куда направляются и что готовит им будущее.

Я крепче вцепилась в свое портфолио. В нем лежало само мое сердце. Макет моего графического романа «Мама, можно...?».

Но в нем нет гуши.

Я могла признать, что он не был ни сентиментальным, ни эмоциональным. Никакой слезливой романтики. Только насилие и стремительный сюжет. Это была антиутопия с путешествиями во времени, полная крови и мести. Моя героиня охотилась за педофилами и похитителями детей, чтобы помешать им исполнить свой замысел и убить их. Так она пыталась спасти свою душу от чувства вины и сожалений, с которыми она жила после гибели собственного ребенка. Рядом с ней не было рыцаря в сияющих доспехах, готового сделать это за нее.

Разве не такого желали читатели? Разве им не хотелось увидеть новую Джессику Джонс или Черную Вдову? Сильную героиню, которая надирает злодеям задницы и не нуждается в том, чтобы ее спасал мужчина?

Нет, они желают душу. Удачи им с этой фигней. Мою душу вырвали из меня десять лет на-

зад, когда однажды летним днем мою девятилетнюю сестру Розмари похитили из продуктового магазина в Филадельфии. Это кошмарное действие развернулось между полком с хлопьями и супами. Оно происходило у меня на глазах, но я ничего не смогла сделать. Я подвела ее, и с тех самых пор чувство вины съедало меня изнутри, словно злокачественная опухоль. Графический роман «Мама, можно...?» родился из этой адской боли.

Если бы я не рисовала, то сошла бы с ума.

Айрис, ассистентка издательства «БлэкСтар», хотела, чтобы я принесла ей исправленную раскадровку через пару недель. Но я понятия не имела, как найти душу для своей истории, да и работать над этим мне было негде. За последние три дня еда, плата за такси и аренда комнаты в омерзительном молодежном хостеле сожрали мои накопления, словно полчище саранчи. Я могла вернуться в Вегас, но это было все равно что расписаться в своем поражении.

Мне нужно было спокойное место, где я могла бы спокойно все обдумать. Угол Шестой авеню, на котором я стояла, таковым не являлся. Я провела рукавом по слезящимся глазам — дурацкий ветер — и подошла к краю тротуара, приподняв руку, чтобы остановить такси. А потом вспомнила о своих тающих на глазах финансах.

«Больше никаких такси, мисс Богачка», — мысленно прикрикнула я на себя. Мне предсто-

яло набраться храбрости, чтобы спуститься в метро, либо попытаться разобраться с тем, как тут ходят автобусы.

Я перешла через дорогу и спустилась в метро. От Среднего Манхэттена до хостела, расположенного недалеко от Портового управления, ехать было недолго. Выйдя из метро, я зашагала по людной улице, вдоль которой располагались магазины для взрослых, табачные магазинчики и конторы, занимающиеся поручительством под залог.

Хостел «Парксайд» находился вовсе не возле парка, а над крошечным сувенирным магазинчиком, где продавались дешевые вещицы с атрибутикой Нью-Йорка: толстовки, снежные шары, брелоки и копилки со статуей Свободы.

Когда три дня назад я вышла из такси и оказалась здесь впервые, все эти безделушки развешили меня. Будучи наивной дурочкой, я купила безвкусную открытку, верхнюю часть которой украшала кричащая надпись: «В “Большом яблоке” меня ждет успех!». Она выглядела просто кошмарно, так что я собиралась отправить ее Тео после того, как один из издателей предложит мне контракт. Тео был моим другом и начальником тату-салона, где я работала, когда жила в Вегасе. Я знала, что эта открытка его рассмешит.

Стоило мне сделать два шага по обветшалому фойе, выложенному грязной плиткой и с мигающими флуоресцентными лампами на потолке,

как сверху до меня начали доноситься громкие разговоры, крики и грохочущая музыка. Здесь было непросто даже заснуть, не говоря уже о том, чтобы работать.

В первую ночь в хостеле «Парксайт» соседки у меня не было. Я провела несколько долгих часов, как Том Хэнкс в фильме «Большой»: придвинув старенький комод к двери и свернувшись калачиком на кровати. Я пыталась сжаться в комок, наблюдая за тараканом, бежавшим по половице вдоль стены. Мне было страшно до жути.

Но я не плакала.

Я открыла ключом дверь своей комнаты. Яркая красно-желтая открытка, которую я купила для Тео, первой бросилась мне в глаза. А потом я увидела, что вся одежда, которую я привезла с собой в Нью-Йорк, за исключением той, что была на мне, валялась на полу вместе с компактными баночками шампуня, мыла и лосьона — даже коробочка противозачаточных таблеток не стала исключением. В комнате было четыре шкафчика, запиравшихся на ключ. Дверь моего оказалась погнутой и висела на одной петле. На вторую ночь моего пребывания в хостеле в комнату ворвалась девушка, пробормотала свое имя — Джейн — и бросила на вторую кровать потрепанный спальный мешок. Потом она засунула в шкафчик синюю дорожную сумку и быстрым шагом вышла из комнаты. Больше я ее не видела.

А теперь пропали и все ее вещи.

— Что за черт?..

У меня заколотилось сердце. Я вылетела из комнаты и сбежала по ступенькам к стойке регистрации, которая больше напоминала пропускной пункт в метро. Я дрожащей рукой постучала по оргстеклу, чтобы привлечь внимание администратора. Это был лысеющий мужчина с пивным животом и скучающим выражением лица. Он листал эротический журнал, покуривая миниатюрную сигару, дым от которой заполнял кабинку и просачивался сквозь круглое отверстие в нижней части стекла.

— Моя комната... — выдохнула я. — В мою комнату кто-то вломился. Мою сумку обшарили. Соседки нет и ее вещей тоже. Может быть, это она сделала?

Не знаю, на что я рассчитывала — возможно, на то, что администратор будет так же шокирован и возмущен, как и я. Или на то, что эта ситуация его хоть как-то обеспокоит. Но мужчина всего лишь тяжело вздохнул и бросил журнал на столик.

— Господи. Ты что, забыла закрыть чертов шкафчик на ключ?

Я уставилась на него.

— Что?.. Нет. Конечно, не забыла, — произнесла я, чувствуя, как ярость потихоньку выжигает из меня страх. — Я заперла чертову дверь, только вот ее кто-то оторвал!

— Вот дерьмо, — проговорил он. — У тебя что-то украли?

— Не знаю. Я запаниковала. Ничего там не разглядывала, сразу побежала сюда.

Я успела надеть немало глупостей с тех пор, как приехала сюда, но на то, чтобы не оставлять деньги в хостеле, мне ума хватило. Я хранила остаток финансов в кошельке, который прикрепила к петле ремня и засунула под свои черные брюки. Ноутбук я носила на собеседование с собой — вместе со своим портфолио. Кроме него у меня была только одна ценность — мои художественные принадлежности...

О боже.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица — словно я была скетчем, с которого разом стерли все краски.

— Только не это... Черт, нет-нет-нет!

Охваченная паникой, я взбежала вверх по ступеням. Краем сознания я понимала, что администратор тяжело плетется следом за мной. Оказавшись в комнате, я начала рыться в своих вещах. Меня мутило от мысли о том, что какой-то незнакомый человек трогал мою одежду руками. Трогал *мое белье*. Но на нее вор не покусился. Хоть чего-то стоили только мое двубортное пальто и сапоги, но и то, и другое было сейчас на мне. Но все мои принадлежности для рисования исчезли. Складывающийся переносной столик, ручки и карандаши, скетчбук фирмы «Кансон»...

Зачем? Почему кто-то решил украсть ручки и бумагу?

Потому что они были высшего качества. Мое самое ценное имущество. Инструменты, с помощью которых я создавала свои рисунки. Я словно лишилась пальцев на руке.

— Что-то украли?

— Все, — проговорила я. Желудок сжался так сильно, что я едва могла дышать. — У меня украли абсолютно все.

Администратор недоверчиво хмыкнул.

— По виду комнаты не скажешь. Твои вещи тут повсюду разбросаны.

Все кончено. Вообще все.

Я сглотнула, чтобы не расплакаться, и начала собирать свои вещи в одну кучу.

— Вы вызовете полицию? — спросила я себе под нос, поднимая одежду с пола. — Или все гости вашего хостела имеют свободный доступ к личному имуществу друг друга?

Я замерла и снова оглядела комнату.

— Подождите. Чемодан. Где, мать вашу, мой чемодан?

От новенького черного чемодана на колесиках, подаренного мне одной из соседок в честь отъезда из Лос-Анджелеса, не осталось и следа.

— Его тоже забрали, — произнесла я. — Они взяли мой чемодан и предметы для рисования.

Я обернулась и уставилась на администратора злым взглядом.

— Хотя нет, не они. *Она*. Девушка, которую вы ко мне подселили. Это же явно она сделала, да?

— Похоже на то.

Администратор вздохнул и достал из кармана смартфон.

Тридцать минут спустя прибыли двое полицейских. Я ждала в фойе, положив на колени черный мусорный пакет, в котором лежали все оставшиеся у меня вещи. Копы взяли у меня показания и пошли обыскивать другие комнаты, но ничего не нашли.

— Девушка подписалась именем Джейн А. Ф. Рист, — сказал администратор. — А. Ф. Р-И-С-Т.

— Джейн Аферист? — Мой взгляд грозил просверлить в нем дыру. — Вы что, блин, издеваетесь?

Мужчина пожал плечами.

— Она платила наличными. Даже если бы она назвалась матерью Терезой, мне было бы все равно.

Чертова мать Тереза выписалась из хостела утром и уже давно исчезла в неизвестном направлении.

— Мы сообщим вам, если что-то обнаружим, — пообещал один из полицейских и сочувственно мне улыбнулся.

Тем не менее в его словах слышалось другое послание: *«Рассчитывать на многое не стоит»*.

Администратор приподнял руки, словно демонстрируя, что не несет никакой ответственности. Заселяясь, я подписала отказ от претензий, так что он прекрасно знал, что его задница в безопасности. Но когда копы ушли и я осталась сидеть одна с идиотским мусорным пакетом в руках, его лицо немного смягчилось.

— Послушай, девочка, — начал он. — Можешь остаться в комнате еще на одну ночь бесплатно. Должен же я хоть что-то для тебя сделать, правда?

Я уже собиралась сказать ему, куда он может засунуть свою бесплатную ночь, но солнце стремительно клонилось к горизонту. Куда мне было идти?

До Филадельфии всего два часа пути на поезде.

— Ладно, — коротко бросила я управляющему, задушив эту мысль в зародыше. — Я согласна остаться здесь еще на одну ночь, но только если вы поселите меня в *одиночном* номере.

Он поднес к подбородку толстые, короткие пальцы и, почесав щетину, кивнул.

Оказавшись в своей новой комнате, я бросила мусорный пакет на широкую кровать и огляделась. В углу стояли стул и крошечный столик, но в ящике не было ни ручки, ни бумаги.

У меня нет ни ручки, ни бумаги.

Заморгав изо всех сил, я достала телефон, чтобы просчитать варианты. У меня оставалось

всего 700 долларов. Если возвращаться в Вегас — *даже не думай плакать, Росси*, — на билет уйдет 300 долларов. А потом еще 300 на оплату аренды за комнату, которую я там снимала.

Если же оставаться в Нью-Йорке, семисот долларов не хватит даже на сутки. Мне пришлось бы искать квартиру, и все деньги ушли бы на задаток, так что до конца месяца мне было не протянуть. Но что я точно не собиралась делать, так это оставаться здесь, в хостеле, и пытаться переделать свой графический роман.

— Да и чем мне его переделывать? — с горечью напомнила я себе. У меня больше не было художественных принадлежностей. Эта мысль каждый раз пронзала мне сердце насквозь, а потом ранила и более практичную часть меня, потому что более-менее сносные ручки и бумага стоили не меньше долларов пятидесяти.

Закончив с подсчетами, я бросила телефон на грубое оранжевое покрывало. Итак, вывод: я в полной заднице. Я потерпела неудачу. Теперь мне ничего не оставалось, кроме как вернуться в Вегас и снова жить в своей старой комнате в переполненной людьми квартире, которые еще и постоянно менялись. Я не сомневалась, что Тео снова возьмет меня на работу в тату-салон, но мне этого не хотелось. Я устала делать татуировки. Меня расстраивало то, что мои рисунки исчезали за дверьми салона, лишая меня возможности снова их увидеть. Я хотела создать что-то,

что могла бы подержать в руках. Что-то, что мог бы увидеть весь мир...

Твоя гордость не уступает твоей же глупости.

К глазам подступали слезы, и я заставила себя подняться с постели, прежде чем они смогли взять надо мной верх. Засунув мусорный пакет в шкафчик, я хлопнула дверцей и закрыла ее на замок. Нужно было поужинать.

Мне пришлось признать свое поражение, но я решила, что этот город должен мне один нормальный ужин, прежде чем я уеду обратно в Вегас. Взяв в руки портфолио, я вышла из комнаты.

Зельда

29 ноября

Руперт — один из моих соседей в Вегасе — говорил, что увидеть художественную сторону Нью-Йорка можно в районе Ист-Виллидж. Сейчас мне было совершенно не до художественности, но я предпочитала двигаться хоть в каком-то направлении, чем ощущать себя потерянной и абсолютно, до ужаса беспомощной. Я снова спустилась в метро и поехала на северо-восток. Вышла на станции Астор-Плейс и зашагала по улице Сент-Марк в сторону Второй авеню.

Стараясь запоминать ориентиры — по обе стороны наблюдалось множество баров и ма-

газинов богемного вида, — я принялась искать кафе с плюс-минус нормальной едой по цене, соответствующей моим скудным финансам.

Увидев маленькое итальянское бистро под навесом в красно-белую полоску, на котором красовалось название «Джованни», я остановилась. *«Как банально»*, — подумала я, ощущая, как меня окутывает теплый запах, просачивающийся на улицу. Томатный соус с чесноком, базиликом и розмарином...

Розмарин.

Волна тоски по дому накрыла меня так резко, что закружилась голова. Когда-то давным-давно так пахло у мамы на кухне.

Я прижала портфолио к груди, словно щит, и открыла дверь в бистро. Оно оказалось крошечным — всего на пятнадцать столов, на каждом из которых стоял стеклянный стаканчик со свечой. Силиконовые скатерти в красно-белую клеточку, пластиковые грозди винограда на стене и плохо нарисованные итальянские пейзажи.

Банальнее некуда, но еда здесь пахла не хуже маминой. Аромат обволакивал меня и навевал воспоминания о нашей кухне, о том времени, когда у меня была сестра. О времени, когда мы с ней ссорились и тягали друг друга за волосы, а потом, словно животные, бегали рядом с теплой плитой, уворачиваясь от мамы, которая пыталась наказать нас за хули-

ганство, легонько стукнув по лбам деревянной ложкой.

«Возвращайся домой, — прошептал голосок в моей голове. — Садись в поезд и возвращайся домой».

Но теперь дома все было иначе. После похищения сестры наша семья словно рухнула на дно холодной мрачной пропасти. От любви и тепла остались лишь осколки. Все мы были сломлены — мои родители, бабушки и дедушки, тети и дяди... Когда произошло невообразимое, моя большая, громкая итальянская семья лишилась своего голоса.

Начала ли мама снова готовить? Теперь я не имела представления о том, как течет жизнь дома; я не жила там уже шесть лет. Я сама себя отправила в ссылку. Чувство вины перед Розмари за то, что я так невообразимо ее подвела, сделало из меня изгнанницу. Мама продолжала аккуратно настаивать, чтобы я приезжала, и ее слова манили меня. Пару раз в год я поддавалась и надеялась: хотя бы сейчас у меня получится поверить их словам, что я ни в чем не виновата. Но мои воспоминания вопили об обратном, и каждый визит заканчивался тем, что мое сердце наполнялось паникой и разрывалось на части. Из-за этих воспоминаний я променяла свой постоянно растущий город в Филадельфии на пустыни Невады, где все было мне совершенно не знакомо.

Атмосфера «Джованни» была мне очень знакома.

Волна печали и тоски по дому все нарастала, и мне захотелось выбежать на улицу. В этот момент меня окликнул бармен, стоявший за изогнутой стойкой из красного дерева, которая протянулась на всю длину ресторанчика.

— Какой вам столик, мисс?

Собираясь в Нью-Йорк, располагавшийся так близко к Филадельфии, я понимала, что рискую, и все же эта лавина эмоций оказалась почти невыносимой. Но я не была трусихой. Я была сильной. Крепким орешком — так называл меня папа. *«Крепким орешком, который никогда ни перед чем не пасует»*. Я решила, что не позволю воспоминаниям выгнать себя в холодную нью-йоркскую ночь.

— На одного, пожалуйста, — ответила я бармену. Это был полноватый мужчина в рубашке, жилетке и галстуке с виноградными гроздьями.

Он кивком указал на крошечный квадратный столик в дальней части ресторанчика. Я присела и вдруг поняла, как сильно проголодалась. От этого осознания меня даже почти перестало колотить.

Я справлюсь. Смогу вести себя адекватно и что-нибудь съесть.

Я опустила портфолио на пол рядом с собой. Пламя свечи, стоявшей передо мной, колыхалось. Пока я изучала меню, помощник официан-

та молча принес мне воду в стакане из твердого пластика, в которой плавали два кубика льда.

Официантка — доброжелательная девушка с темно-каштановыми волосами, уложенными в высокую прическу, и золотыми сережками-кольцами — приняла мой заказ: пасту зити и бокал домашнего красного вина. Я неплохо справлялась с поганой ситуацией, в которую угодила, пока официантка не вернулась и не опустила передо мной горячую пасту. «Точно такая же, как у мамы», — подумала я. Только мама добавила бы сюда слишком много базилика, и бабушка начала бы жаловаться, и они препирались бы из-за этого до конца вечера...

Мои глаза затуманились слезами. Грудь сдавило так, что я не могла протолкнуть воздух через горло. Я вскочила со стула и побежала по узкому коридорчику, который вел к туалетам. Дверь в женский оказалась заперта.

— Черт.

Потеряв способность мыслить здраво, я побежала по слишком ярко освещенной кухне, сквозь пар, мимо посудомойки, от которой пахло моющим средством, и, распахнув заднюю дверь, вылетела в крошечный переулок. Вдоль него тянулся ветхий деревянный забор. Напротив ресторанчика стояли контейнеры для мусора, доверху набитые пластиковыми мешками. Мелко и прерывисто вдыхая холодный воздух, я обхватила себя руками.